

Судьба Абрама Гоца¹

Имя Абрама Рафаиловича Гоца, так же, как и имя его старшего брата Михаила, хорошо известно исследователям истории революционного движения. Судьба братьев сложилась так, что оба они не просто заняли место в руководстве партии социалистов-революционеров, но и сыграли видную роль как в её деятельности, так и в истории русской революции. А.Р. Гоца теоретик ПСР В.М. Чернов в 1917 г. называл вторым человеком в партии: «Самая крупная после Чернова роль неизменно выпадала на долю Абрама Гоца. Очень многое соединилось для того, чтобы выдвинуть его на первый план. ...Ореол, окружавший память рано умершего старшего брата, бросал отражённый свет и на младшего, который напоминал его многими внешними и внутренними чертами. В эпоху самой ожесточённой борьбы партии с самодержавием Абрам Гоц сменил общепартийную пропагандистско-агитаторскую деятельность на специально-боевую, террористическую деятельность, которая в партийном сознании имела наиболее героическую репутацию. При всем этом Абрам Гоц обладал, подобно брату, огромным запасом энергии и умственной настойчивости, вооружённый большим практическим здравым смыслом и “маневренным чутьём”, свойственным политику. От старшего брата его существенно отличал, однако, один привходящий психический ингредиент: известная доля воспитанной в атмосфере политического маневрирования хитрости... В то время как Михаил Гоц подкупал сердца величайшей порывистой непосредственностью и искренностью, Абрам Гоц заменял их большим прирождённым тактом и ловкостью, не исключавшими известной скрытности, и умением быть, что называется, “себе на уме”. Абрам Гоц умел обращаться с людьми, лавировать, избегать резкой постановки вопросов, сглаживать острые углы, “быть с иудеями, как иудей, чтобы приобрести иудеев, и с язычниками, как язычник, чтобы приобрести язычников”. В его натуре лежала некоторая намеренная недоговорённость и

¹ Статья написана в рамках научно-исследовательской работы по теме «Альтернативные левые концепции государственного переустройства России: причины неудачи», выполняемой в ЦГИ РАНХиГС в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2013 год.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00322) и Фонда Герды Хенкель (стипендия 2010 г., проект «Нереализованная альтернатива: партия социалистов-революционеров в эпоху войн и революций (1914–1922) и её “третий путь”»).

склонность не выступать с вполне открытым забралом; игру “в закрытую” он предпочитал открытой. Непосредственное ощущение своего подлинного “искусства политического маневрирования” направило одно время этого крупного политического работника в мелководное русло так называемой конъюнктурной политики и даже в ещё более мелкое русло политики чисто кулуарной. ...Из революционера Абрам Гоц превращался в дипломата, в хитроумного политического шахматного игрока, чей успех зависит от умения до конца разгадать план противника, свой же план замаскировать до полной неразгадываемости. Абрам Гоц неустанно плёл эту тонкую политическую ткань — нити рвались, плетенье распускалось, Абрам Гоц снова связывал концы, чинил, заплетал и продолжал закрулять своё политическое кружево. Происходи всё это в нормальное, устоявшееся время, когда течение исторической жизни нашло свое естественное русло, эта работа имела бы, вероятно, свой конструктивный смысл; но в эпоху революционного половодья она поражала своей бесплодностью и сгущала вокруг себя атмосферу нетерпения. Предаваться ей значило дразнить массовую стихию, и без того доведённую почти до белого каления»².

И в то же время Чернов восклицал в своих мемуарах: «Гоц обладал абсолютной отвагой — так, как бывают люди, обладающие абсолютным слухом. Эта его отвага, эта его абсолютная неустрашимость звучала в каждом звуке его голоса, светилась в каждом его взгляде, ощущалась в каждом его жесте. Чувствовалось, что он олицетворение негнушейся воли. Она гипнотизировала, она обескураживала, давала раз и навсегда понять, что от неё не отделаешься никакой выходкой. К тому же этой воле соответствовала не менее абсолютная выдержанность. “Железная рука в бархатной перчатке” была у него (не культивирована искусственно; это было соединение как будто натуральное и прирождённое)»³.

Очень ёмкую характеристику А.Р. Гоцу дал М.В. Вишняк, знавший его с детства: «Гоц имел влечение к науке и данные к тому, чтобы ею заниматься. Но жизнь — и сознание долга — увели его от науки. Не греша склонностью к марксизму, Гоц принадлежал не к тем, кто, по словам Маркса, ищут, как объяснить мир, а к тем, кто считают необходимым “изменить мир”»⁴.

Личные судьбы обоих братьев полны драматизма, и жизни их оборвались преждевременно. Старший умер в 1906 г. от опухоли

² Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров (июнь 1917 - март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова / Под ред. Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 5-6.

³ Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах / Под ред. А.П. Новикова и К. Хузер. СПб., 2007. С. 389.

⁴ Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1953. С. 144.

спинного мозга, развившейся в результате травмы позвоночника, нанесённой ударом приклада винтовки во время «усмирения» вооружённого выступления 33-х политических ссыльных в 1884 г. («якутская трагедия»). Младший умер в 1940 г. в Краслаге. Написанное об А.Р. Гоце его современниками и историками⁵ позволяет лучше понять как значимость этого человека, так и тот трагический путь, который он прошёл до самого конца.

По свидетельству М.Р. Гоца, его с Абрамом родители в 1867 или 1868 г. переселились в Москву из Ковенской губ., где семья бедствовала (дети ходили босиком). «Молодые годы не предвещали в нём будущего купца, — вспоминал М.Р. Гоц об отце в своих так целиком и не опубликованных мемуарах⁶. — Один из тех бедных еврейских юношей, которые своими способностями и ранним пониманием сложных вопросов талмудистики выделяются в общине и предназначаются к раввинскому званию, он был отправлен своим отцом-шинкарём маленького городка в знаменитый “ешибот” (высшее духовное училище). Может быть, его побуждало к этому смутное семейное предание, что из среды нашего семейства вышло много знаменитых раввинов, что один из них своим прозванием дал нашу фамилию (gaon zedek — “святой мудрец” — из начальных букв Goz). В те времена молодые “учёные” высоко ценились еврейскими богатеями. Слух о больших талантах отца распространился по всей округе, результатом чего была женитьба отца на дочери одного из таких богатеев. И вот под давлением нужды — учёный обратился в приказчика. Погибли мечты только начавшего развиваться ума.

⁵ Вишняк М.В. Указ. соч.; Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953; В.М. Перед бурей. М., 1993; *он же*. В партии социалистов-революционеров...; Jansen M. The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922. Martinus Nijhoff Publishers, 1982; Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993; *он же*. Е.М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. // Минувшее. Вып. 7. М., 1989. С. 193—214; Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / Под ред. М. Янсена. Амстердам, 1989; Ерофеев Н.Д. Гоц Абрам Рафаилович // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 162; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002; Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005; *он же*. Историко-правовые аспекты реабилитации подсудимых процесса социалистов-революционеров 1922 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. Т. 2. Вып. 1. Новосибирск, 2006. С. 47—55.

⁶ Попытки издать их предпринимались в 1920-е гг. как за границей, так и в России, куда переслали рукопись, сохранившуюся в фонде М.Р. Гоца в ГА РФ. В одном из недавних выпусков альманаха «Еврейский архив» опубликована статья о М.Р. Гоце с обширными цитатами из его воспоминаний.

...Редко я встречал человека, который при наружной холодности был так сильно проникнут любовью к семье. ...Не забуду никогда его ужасного лица, когда полицейские уводили меня, арестованного, его печали, насильно подавляемой, во время наших тюремных свиданий»⁷.

Рафаил Гоц поступил приказчиком к тестю, занимавшемуся чайной торговлей (позже ставшему известным чаоторговцем-миллионером), и первые годы жизни Михаила Гоца семья ютилась в «подвальных этажах домов столицы». Позже пришло благосостояние и даже богатство.

Семейная атмосфера была противоречивой, и не она толкнула Михаила и Абрама на путь революции и борьбы за высокие общественные идеалы. «Всё, что касалось наших материальных удобств, делалось, а в остальном предоставлялась полная свобода, — отмечал М.Р. Гоц. — Так искони было заведено в том маленьком городке, где проживали несколько поколений нашей семьи, перенесено и в новую лощёную столичную обстановку. Западали в нашу душу случайно хорошие впечатления от хороших людей, — являлась возможность высшего развития. Не было бы этого, мы повторили [бы] органический рост первых поколений, поделались бы купцами, адвокатами и пр. Но, не влияя сознательно, зала вносила своё растлевающее влияние не менее успешно. Устав от своих дел, от вечной погони за средствами существования, затем — обеспеченности, старшие члены семьи знали только одно удовольствие — карты. ...Конечно, это удовольствие не замедлило перейти в детскую»⁸.

Схожая обстановка в целом сохранялась в семье и в юношеские годы Абрама. Решающее влияние на выбор его пути оказал старший брат, о чём сам Абрам проникновенно напишет В.С. Гоц (вдове Михаила) в Париж в феврале 1931 г. по дороге из ульяновской ссылки в казахстанскую: «Помнишь, Веруша, как я в 96 (или 97 году) впервые приехал к вам — к Мише и тебе, — отбывавшим тогда ссылку на поселении в Кургане, юным гимназистиком? Помнишь, как выскочил раздетый из вагона и бросился на шею маленького бородатого человека, которого я знал только по письмам и карточке? До того — старший брат был для меня отвлечённым образом, загадочным и таинственным, почти запретной темой, о которой дома говорили с нами — младшими детьми — неохотно. Я только знал, что у меня на каторге есть брат, который пострадал за правду. Но за какую — я тогда ещё не знал и не догадывался. Но образ этого брата, заброшенного в далёкую холодную Сибирь и оторванного от семьи, волновал моё юное воображение и мечта когда-либо повидать этого человека была моей самой

⁷ Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Nanterre, France) (BDIC). F delta Res 806 Carton 4/10.

⁸ Ibidem.

заветной. Ещё не зная его, ещё не понимая его идей — я уже верил, что правда на его стороне. И когда я увидел его — такого доброго, чуткого, сердечного, так не похожего на всех людей, которых я видел дома, я всей душой полюбил его, и он вошёл сразу в мою душу не только как брат, но и как наставник, руководитель, высший моральный авторитет. Идти по его пути — стало для меня высшей целью»⁹. «Увидев их вдвоём, — вспоминал Чернов, — я скорее подумал бы об отце и сыне, чем о двух братьях. В нежности Михаила к брату проскальзывало ещё больше заботливо-отцовского, чем братского чувства; а тот в свою очередь, видимо, перед старшим братом благоговел и преклонялся»¹⁰.

Годы не изменили этого отношения. В честь своего старшего брата Абрам назвал своего первенца, передав своим детям глубокое уважение к Михаилу¹¹.

Идеи общественного и революционного движения привлекли А.Р. Гоца ещё во время учёбы в реальном училище, в которое он поступил в 1896 г. После его окончания Абрам по совету брата поступил вольноопределяющимся в полк близ Одессы, где в это время обосновался после курганской ссылки Михаил Гоц. В 1900 г. А.Р. Гоц отправился учиться на философский факультет Берлинского университета и стал одним из членов кружка «грызунов науки» (М.Р. Гоц), «галлов» (О.С. Минор), или «германо-эсеровского выводака» (В.М. Чернов) — группы студентов, в 1899—1904 гг. слушавших лекции в Берлинском, Галльском и Гейдельбергском университетах (А.Р. Гоц, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, И.И. Фондаминский, В.В. Руднев, Д.О. Гавронский, М.О. Цейтлин и др.). В 1899—1900 гг. центральной фигурой этого «выводака» был Авксентьев, чьё лидерство признавали, по словам Чернова, все члены «целого кружка незаурядных людей, сыгравших немалую роль в истории партии социалистов-революционеров то как единое целое, то порознь»¹². Как утверждал Чернов, в кружке «жил какой-то культ двух людей, которых иные, впрочем, знали больше понаслышке, чем по личному опыту: Михаила Гоца и Матвея Исидоровича Фондаминского, брата известного впоследствии Ильи Исидоровича Фондаминского-Бунакова»¹³. Члены кружка твёрдо решили, что прежде чем они уйдут с головой в партийную работу, они долж-

⁹ Ibid. Carton 1/4/12.

¹⁰ Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров... С. 372.

¹¹ «Верушенька, — писала его жена Сара к В.С. Гоцу в феврале 1931 г., — ты наверно не получила письма от Олески (младшая дочь Абрама и Сары Гоц. — К.М.), в котором она просит тебя выслать ей большой портрет дяди Миши» (ВДИС. F delta Res 806 Carton 1/4/14).

¹² Чернов В.М. Перед бурей. С. 189.

¹³ Там же. С. 187.

ны как следует к этому теоретически подготовиться. Большинство из них изучали философию и хотели «под народническую политическую программу и неонародническую философию» подвести «не столько Лаврова и Михайловского, сколько Канта и Рилья»¹⁴.

В.М. Зензинов вспоминал об ироническом отношении М.Р. Гоца к «философским увлечениям» своего брата и его друзей (включая самого мемуариста): «Их позитивистическое поколение, старше нашего на 12—15 лет, считало философию излишней роскошью в арсенале революционера и общественного деятеля. Мы же полагали, что под наши революционные чувства необходимо прежде всего подвести фундамент философии и науки»¹⁵.

Весьма любопытно, что в 1903 г. после ареста Г.А. Гершуни и разгрома целого ряда эсеровских организаций (в том числе саратовской, выполнявшей функции ЦК), когда многие руководители партии стали всерьёз опасаться за её судьбу, М.Р. Гоц и О.С. Минор, отправившись в Германию, попытались призвать «галлов» поехать в Россию, спасти ситуацию. По словам В.М. Чернова, в течение суток они пытались убедить Н.Д. Авксентьева, А.Р. Гоца и В.М. Зензинова, «что никогда ещё в развитии партии не было такого ответственного и критического момента, когда сплочённый кружок мог бы золотыми буквами вписать своё имя в её историю. ...Группа, и особенно Авксентьев, стояла на своём. “Нельзя ничего делать наполовину, все мы будем партии полезнее, доведя до конца своё академическое образование”, — говорил Авксентьев. Вернувшись в Женеву, Михаил Гоц в раздумье говорил: “Почём знать? Может быть, они и правы. Они имеют лишние против нас шансы дожить до той счастливой поры, когда и полнота академического образования будет иметь большое значение. А мы, “старика”, знаем, что на наш век хватит тюремного академического стажа”»¹⁶.

Сам Чернов также бы склонен оправдывать «грызунов»: «Отправься они на работу тогда же, в 1903 году, они, быть может, растерялись бы, попав прямо на свежее пепелище партийного пожара, и обжегши себе пальцы, томилась бы по гиблым местам ссылки. А позже, на рубеже 1904—1905 годов, они застали в России конъюнктуру, как нельзя более благоприятную. ...Именно в этот момент выход на политическую арену целой группы образованных, хорошо спевшихся между собой и развивших свои способности как ораторов и полемистов молодых людей дал максимум своего эффекта»¹⁷.

---

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ *Зензинов В.М.* Пережитое. С. 81.

¹⁶ *Чернов В.М.* Перед бурей. С. 192.

¹⁷ Там же. С. 208.

Быстрее, чем у всех остальных, прервалась партийная карьера у А.Р. Гоца, с 1904 г. занимавшегося организационной работой в Москве. В недатированном письме к брату, говоря о партийном хозяйстве, он восклицал: «Только теперь чувствуем все, сколь ощутительно для хозяйства твоё отсутствие, нет головы... Иван — крупный человек, с большой волей и большой выдержкой, но не политик, не государственный ум, а он ведь самый выдающийся»¹⁸. Увы, но только несколько лет спустя А.Р. Гоц узнает, что был у «Ивана» — Е.Ф. Азефа — ещё один очень важный «недостаток» — служба платным секретным сотрудником Департамента полиции.

По свидетельству В.М. Чернова, А.Р. Гоц, вступив в Московский комитет ПСР, взялся за подготовку покушения на градоначальника графа П.П. Шувалова, вскоре убитого членом московской боевой дружины. В ноябре 1905 г. А.Р. Гоц формирует в Петербурге рабочие боевые дружины, а через месяц просит разрешения вступить в Боевую организацию ПСР и становится её членом. «Он сразу же был принят и встал на работу, — писал Чернов, — под видом извозчика он ведёт слежку за дачей министра внутренних дел Дурново. И вот почему я не встретил его на Иматровском съезде. План БО состоял в почти одновременном уничтожении министра внутренних дел и его соратника, министра юстиции Акимова»¹⁹.

В.М. Зензинов позже вспоминал о своей конспиративной встрече с «извозчиком» Гоцем: «На углу стоял извозчик. Извозчик, как извозчик — таких в Петербурге тысячи. Не лихач, но и не “Ванька”, как зовут плохих. Он сидел в полуоборота на козлах, в зубах была папироса. Неужели это Абрам? Не может этого быть! Я прошёл мимо, но заметил, что извозчик вглядывался из-под тяжелой шапки в меня. Я повернулся, как будто вдруг что-то вспомнил и громко его окликнул: — “Извозчик!” — Он встрепенулся. — “Пожалуйста, барин, пожалуйста!” — Он бросил окурочок. — “Свободен?” — Теперь я его узнал. Его глаза смеялись»²⁰. Гоц рассказал о своей «извозничьей» жизни: «... Знаешь, это оказалось не так трудно, как я думал. Надо было, конечно, привыкнуть, научиться ходить за лошастью, за санями. На нашем дворе меня уважают: “Алёша — парень обстоятельный, на него можно положиться”. Выезжаю я аккуратно по утрам, целый день на работе. Иногда до трёх рублей в день зарабатываю.

...Однажды его неожиданно остановил на улице городской близ Царскосельского вокзала. Остановил и стал пристально в него вглядываться.

¹⁸ BDIC F delta Res 806 Carton 1/4/12.

¹⁹ Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров... С. 383.

²⁰ Зензинов В.М. Пережитое.

— А ведь ты, сукин сын, жид! Идём в участок!

Абрам сорвал с головы шапку и закрестился.

— Что ты, дядюшка, Христос с тобой, какой я жид!

Потом он быстро расстегнул на груди кафтан и показал городовому нательный крест.

— Господи! Какой же я жид?! Никогда таким не был. Я из Рязани. Служил ефрейтором в Самогитском полку, имею знаки отличия за отличную стрельбу. В Петербург вот приехал, думал копейку заработать, а ты лаешься: жид!..

Городовой улыбнулся.

— Ефрейтором, говоришь, был? Я — тоже ефрейтор.

Через минуту они разговаривали уже дружелюбно.

— Ну, поезжай, поезжай, не задерживай движения. Ефрейтор!

С большим юмором Абрам рассказывал, что в него влюбилась кухарка с соседнего двора. Он уклонялся от её любовных авансов, объясняя своё поведение тем, что он уже “крутит” с кем-то любовь...

Забегая немного вперёд, скажу, что эта кухарка сыграла в его жизни роковую роль. Когда Абрама Гоца через четыре месяца арестовали уже совсем по другому делу (он следил в Царском Селе за царскими выездами — тогда готовилось покушение Боевой организации на царя; на этот раз Гоц был одет богатым барином), ему предъявили обвинение, что он переодетым извозчиком ездил по Петербургу для подготовки покушения. Гоц это с негодованием отрицал. Но вдруг на суде появилась новая свидетельница — эта самая влюбившаяся в него кухарка. Увидав его, кухарка всплеснула руками и крикнула: “Алёша, милый ты мой!”. Дальше отрицать свою роль Абрам Гоц уже не мог. Он получил восемь лет каторги»²¹.

Арестован А.Р. Гоц был в Царском Селе, где он изучал возможности покушения на царя. «Я по Вас, мои родные, очень стосковался, — писал Абрам своему брату Михаилу 24 августа 1906 г. из Петропавловской крепости, — много о вас думаю и мечтаю о свидании. Когда-то? “Темна вода в облацех”. Ничего в волнах не видно... Капризы истории, как и пути Господни, неисповедимы. “То улыбнётся, как ребен-

²¹ Там же. Этой странице своей жизни А.Р. Гоц посвятил небольшой мемуарный очерк, написанный им уже в 1920 г. в Бутырской тюрьме. Отдельные листы, изъятые чекистами при переписке, были приобщены к следственному делу (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Фонд судебного процесса с.-р. 1922 г. «Дело по обвинению А.Гоца и др.». Т. 104. «Дело по обвинению Гоца Абрама Рафаиловича»). Тем не менее рукопись всё же была передана товарищам за границу и отрывок из неё опубликовали уже после того, как стало известно о смерти автора (*Гоц А.Р. Из недавнего прошлого: (Отр[ывок] из воспоминаний) // За Свободу. Издание Нью-Йоркской группы ПСР. 1947. № 18. С. 144–147.*)

нок, то захохочет как русалка”... Да, история великая фантазёрка; в лучах её фантазий меркнут и бледнеют все наши даже самые смелые мечтания и планы в стиле 1001-ой ночи. Порой она завязывает такие замысловатые узлы и причудливые петли, что смертному остаётся молча снять шляпу и преклониться перед её иронией. ...Мне вспоминается фигура Петра Бернгардовича, который — а la строитель Сольнес, карабкается по куполу нашего византийско-татарского храма, чтобы увенчать его шпиком в пуританском стиле в виде учения “King in parliament”. До чего может доводить умных людей страсть к прожектёрству. Лёгкое дуновение ветра и наш *lex fundamentalis* оказывается совсем не фундаментальным и рассыпается как туман предутренний от восхода солнца. Слабая волна и величественное здание свободы, как карточный домик, рушится вмиг, и лишь прах и пыль говорят о том месте, где легкомысленные новгородцы пытались взрастить древо свободы. Да, история великая фантазёрка. Но её фантазии всегда глубоко поучительны. ...Какие перспективы на будущее открывают все эти события, что “день грядущий нам готовит” — не знаю. Из моего маленького решётчатого окна вдаль не видать»²².

А.Р. Гоц стоически переносил заточение, но во втором письме к брату, написанном в это же время, проскальзывала нотка горечи за то, что многие его письма не доходят до адресатов, а посланные к нему также «теряются в канцелярских песках»: «Аукаешь, аукаешь, но никто не откликается, ажно и самому надоедает кричать. ...О себе много писать нечего. Много читаю, думаю, в общем время проходит довольно незаметно и прытко, хотя бывает порой и тоскливо и тошно. Тоскливо — потому что разлинованная и размеренная жизнь, какую приходится вести, мне не по нутру. Тянет туда, где кипит и бьёт ключом жизнь. “Туда, где за тучей белеет гора, туда, где синеют морские края”... Погрузиться всецело в науку, погасить в себе все порывы на этот раз не удаётся; слишком ярка и определённа та жизнь, из которой вырвала судьба, слишком сильны её впечатления, чтобы скоро примириться со своим вынужденным бездельничеством. Ведь тюрьма это сплошное и непрерывное бездельничество. Однако кончаю, больше 4 страничек нам не полагается, до следующего раза. Пока до свидания, мои горячо любимые. Когда-то увидимся? Моя телега, кажется, всеми 4-мя колесами увязла в песку, а кругом... мёртвая зыбь. “Мы ждали бури, бури нет, её тревожные раскаты неслись, миную нас”... Значит, нескоро! Пока, крепко обнимаю»²³.

Известие о смерти Михаила застало Абрама в тюрьме и тяжело им переживалось. «Моя родная, дорогая Веруша, — писал он жене брата

²² BDIC F delta Res 806 Carton 1/4/12.

²³ Ibidem.

19 февраля 1907 г., — я не писал тебе так давно, потому что не мог освободиться от гнёта мыслей и воспоминаний, вызванных известием о смерти Миши. За последние 3—4 месяца меня всё время не покидало какое-то тёмное предчувствие, я чувствовал, что наше свидание в мае было последним. Нехорошо, что так долго утаивали от меня правду. Такие вещи не скрывают, они одинаково болезненно переживаются и никогда не забываются при всякой обстановке. Ну, да об этом толковать теперь нечего... Мне очень больно, что я не мог быть тебе полезным в трудную минуту, да и сейчас, чем я могу тебе помочь? Я могу лишь дать тебе мою глубокую любовь и моё глубокое горе»²⁴. Чуть позже А.Р. Гоц спрашивал жену брата: «Я слышал, что Павел (Б.В.Савинков. — К.М.) собирается писать биографию Миши. Так ли это? Я был бы очень счастлив, если бы это оказалось правдой. Никто лучше — убеждён — с этой задачей не справится. Напиши мне — беседовала ли ты с ним об этом. ...Доследование закончено и дело снова направлено в судебную палату»²⁵.

В 1907 г., по окончании следствия А.Р. Гоца перевели из Петропавловской крепости в Дом предварительного заключения. «С этого дня было точно известно, когда выводили на прогулку группу Гоца, — вспоминал М.В. Вишняк, — взрывы громкого смеха то и дело врываются в моё окно. Гоц наладил регулярный обмен письмами. Его письма, как правило, были интересны, порой остроумны, но стилистически старомодны. Он не боялся стереотипных выражений, образов и сравнений. Фразы его были громоздки — на немецкий лад. Теоретически же социология Зиммеля оставалась для него вершиной мудрости, оспаривать которую он сам не решался, а попытки других не одобрял»²⁶.

Пребывание в Доме предварительного заключения Вишняк назвал «переломным периодом в личной жизни Гоца»: «По окончании медицинского образования за границей, проездом в свою Пензу, приехала в Петербург жизнерадостная и очаровательная Сарочка, как все её называли, Рабинович, с которой Гоц и я были давно знакомы, а я особенно подружился перед своим отъездом из Берлина. Ко мне на свидание она придти не решалась и ограничилась присылкой роз. К Гоцу же Сарочка пришла на свидание по праву дальнего свойства»²⁷. Их отношения стремительно развивались, и с 1908 г. Сара Рабинович начинает хлопотать о разрешении выйти замуж за каторжанина А.Р. Гоца.

---

²⁴ Ibid. Carton 1/4/13.

²⁵ Ibid. Carton 1/4/12.

²⁶ Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 143—144.

²⁷ Там же. С. 144.

В марте 1908 г. Гоц был приговорён к восьми годам каторги. «Проездом из Питера во Владимир был в Бутырской тюрьме, — 7 августа того же года писал он Вере Гоц. — Пребывание в ней пробудило целый рой старых, старых полудетских и почти забытых воспоминаний о моём первом посещении этой тюрьмы. ...О себе писать интересного нечего. Чувствую себя прекрасно, засел опять за серьёзные занятия, благо условия благоприятные. Я очень доволен, что устроился в России, здесь как то не так остро чувствуешь своей оторванности и заброшенности. Авось сюда и вести от друзей будут чаще долетать. ...Пиши мне, Вержуша, побольше и почаще. Мой адрес: Владимирское исправительное арестантское отделение, одиночный корпус, каторжанину-»²⁸.

Впрочем, пребывание в Бутырке было отмечено не только воспоминаниями о прошлом, но и вымогательством начальника тюрьмы, который откровенно «доил» богатого отца каторжанина, не останавливаясь даже перед требованием «хорошего нового пианино»²⁹. «Сегодня ровно семь месяцев со дня произнесения приговора и если бы только я не потерял года по вине адвокатов, тогда бы теперь мне было совсем рукой подать до вольной команды, — 5 октября 1908 г. писал Абрам Вере Гоц. — Занятия понемногу наладились. Трудно систематически работать, сидя вдвоём в одной камере. Физически чувствую себя прекрасно, здоров и бодр как всегда. Одно меня лишь сильно огорчает — за время сидения у меня несколько ослабла память, а сижу-то всего 2½ года, ежели так дальше пойдёт, то мне угрожает приятная перспектива превратиться в Анютку беспамятную»³⁰.

В январе 1909 г. А.Р.Гоца перевели в одну из московских тюрем. «Вот уже ровно год как он в Москве, — сообщала его невеста Сара В.С. Гоц 19 января 1910 г. — Теперь всё-таки лучше, чем в прошлом году. Он теперь много занимается философией. Кроме того изучает франц[узский] язык. Настроение у него ничего себе. С ним в камере сидит ещё один интеллигент доктор. Я ужасно рада. Он их стучает, слушает, и даёт разные практические советы, как всего лучше сохранить себя. ...У меня почти всё по-старому, работаю в больнице и целый день верчусь то туда, то сюда. Немножко утомительно, что у нас слишком много знакомств и поэтому совсем не приходится заниматься, но утешаю себя, что у Абики хватит образованности на нас 2-х, а затем всё думаю наверстать в Сибири. Боюсь, впрочем, что нам долго не дожждаться её»³¹.

²⁸ BDIC F delta Res 806 Carton 1/4/13.

²⁹ Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров... С. 383.

³⁰ BDIC F delta Res 806 Carton 1/4/13.

³¹ Ibidem.

Очевидно, речь шла о Бутырской тюрьме, в которой в 1906 г. было создано каторжное отделение, но в целом она продолжала называться Московской центральной пересыльной тюрьмой, штамп которой стоит на письме Абрама к Вере Гоц от 6 августа 1911 г. В нём он сетовал на то, что родные ему подолгу не пишут: «Такие перерывы крайне тягостны потому, что навевают настроение оторванности и отчуждённости. Чувствуешь, как между тобой и родными вырастает стена непонимания и отчуждённости. ...Немного внимания с их стороны, и жизнь наша была бы окрашена в более радостные цвета»³². Судя по письмам Сары Рабинович к В.С. Гоц в январе и феврале 1911 г., А.Р. Гоца чуть было не перевели в Шлиссельбург из-за какого-то навета на него, очевидно, как-то связанного с выступлением заключённых в столярной мастерской Бутырок в январе 1911 г.³³

5 сентября 1911 г. Сара Рабинович была арестована вместе с группой эсеров и выслана в Тверь³⁴, откуда 28 марта 1912 г. писала В.С. Гоц: «Сегодня Аб[рама] отправляют в Александровск. Мы оба довольны очень. Так хочется верить, что всё будет хорошо, что это начало нашей будущей жизни, и в то же время так тревожно. Так бы хотелось приподнять завесу и заглянуть в будущее. Чувство радости во всяком случае у нас сейчас преобладает: может, там повенчают и сможем жить вместе»³⁵.

А.Р. Гоц отправился в знаменитый Александровский централ близ Иркутска, а в апреле 1912 г. Сара добилась разрешения на переезд из тверской ссылки под гласный надзор в Иркутск, о чём радостно сообщила В.С. Гоц: «Еду точно не в ссылку, а в какую-то Аркадию»³⁶.

Наконец, 8 августа 1912 г. Сара Рабинович и Абрам Гоц обвенчались. «Венчались мы крайне торжественно, — писала Сара Вере Гоц. — Всё было, как у людей... Даже белый букет был преподнесён женихом. Посторонних никого не допустили, зато администрация была вся в парадной форме и вся налицо. После венчания у нас было час личное свидание, а затем начался “пир” у меня дома. Пришли все командские дамы и проч[ая] публика. Аб[рам] очень счастлив, что повенчался, теперь не дожждётся рабочей команды. Принципиально всё решено, но чинятся всё какие-то препятствия. ...Приехала я сюда на месяц и с тоской думаю, что осталось всего две недели»³⁷.

---

³² Ibidem.

³³ Ibidem.

³⁴ Государственный архив Тверской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1 3386. Л. 1. Сведения предоставлены О.В. Ванюшиной.

³⁵ BDC F delta Res 806 Carton 1/4/14.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

В эти же дни А.Р. Гоц писал своему отцу: «Дорогой, горячо любимый папа, третьего дня мы, наконец, повенчались с Сарочкой. Сбылась мечта, о которой я так много и долго думал, к которой стремился всеми силами души. Венчал нас иркутский раввин, очень милый и интеллигентный человек, который передал мне, между прочим, привет от тебя, — проездом он был у тебя в Москве. И мне было только мучительно жаль, что тебя не было рядом с нами, и ты не мог радоваться вместе с нами нашей радостью. И меня и мою Сарочку одинаково огорчала мысль, что первыми не могли обнять тебя и её стариков. И мы утешались только тем, что душой вы всецело с нами... В физическом отношении чувствую себя прекрасно, давно уже не чувствовал себя таким бодрым, как теперь. А настроение, да разве может быть у меня плохое настроение, когда я знаю, что рядом со мной живёт и моя Сарочка. Занимаюсь пока довольно мало, всё ещё никак не могу наладить регулярные занятия, ну, да это неважно — впереди ещё много, к сожалению, слишком много, свободного, незанятого времени»³⁸.

В декабре 1912 г. А.Р. Гоц, судя по его письму к В.С. Гоц, вышел в рабочую команду: «Первые дни “свободы” пронесли так быстро, незаметно, что я буквально не успевал ничего делать. Только сейчас начинаю понемногу приходить в себя, до сих пор ещё не могу поверить, что то, о чём я так долго напряжённо мечтал — сбылось... Я переживаю сейчас лучшие дни моей жизни. ...Сиюю сейчас я в избушке у моей Сарочки»³⁹.

В следующем году супруги Гоц стали родителями. «...Получили твое поздравительное письмецо, — писала Сара Вере Гоц 13 октября 1913 г. — Спасибо тебе родная наша не бабушка, а сестрица. Мишутка наш очаровательный уже доставляет нам много радостей. Аб[рам] счастлив и ухаживает трогательно за ним. Он счастлив, что он носит имя Миша, и потому он ему особенно дорог»⁴⁰. «Вчера, т.е. 5 февраля, я разменял последний год, — сообщал ей Абрам 6 февраля 1914 г. — Теперь только 364 дня отделяют меня от свободы»⁴¹.

В 1915 г. А.Р. Гоц вышел на поселение в с. Усолье. «Это большое село-курорт, — писал он 18 мая В.С. Гоц, — расположенное от Иркутска в 2½ часах езды, а от Александровска в 15 верстах. Я очень рад, что нам таким образом удалось устроиться: и от Ирк[утска] близко, и тихо, и Сарочка сумеет летом полечиться. Мишутке тоже будет полезно полечиться»⁴². Позже Гоц перебрался в Иркутск, где, будучи «циммервальдцем», возглавил группу ссыльных эсеров, стал активно писать

³⁸ Ibid. Carton 1/4/12.

³⁹ Ibid. Carton 1/4/14.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid. Carton 1/4/16.

в народническом журнале «Сибирь» и сблизился с такими видными меньшевиками, как И.Г. Церетели и Ф.И. Дан. Последнее обстоятельство имело впоследствии немалое значение. «Я теперь очень увлечён газетной работой, — признавался он В.С. Гоц 13 марта 1916 г., посылая ей номер газеты “Сибирь” со своими статьями, — и если не помешают внешние обстоятельства, буду и впредь работать. Из статей этих ты узнаешь и о моём отношении к переживаемым событиям. Я лично вполне присоединяюсь к точ[ке] зр[ения] Виктора. ...Отношение к призывам самое отрицательное. Мне лично очень больно, что пришлось разойтись с Ильёй во взглядах на такие важные, основные вопросы. Его точка зрения представляется мне глубоко ошибочной. Только полная оторванность от родины может подсказывать такие решения и выводы, к которым они частенько приходят»⁴³.

После Февраля 1917 г. А.Р. Гоц активно участвует в создании в Иркутске Комитета общественных организаций, Совета рабочих депутатов и Военной организации, но уже через две недели едет в Петроград, где стремительно выдвигается как один из ведущих руководителей своей партии, серьёзно влиявший и на «большую политику». Гоц был избран членом Президиума Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов (от эсеров) и введён в Исполком Петросовета, в котором стал лидером эсеровской фракции. На III съезде ПСР его избрали товарищем председателя съезда и членом ЦК партии. На I Всероссийском съезде советов он вошёл в Президиум, а с июня являлся членом Президиума ВЦИК первого созыва. Во время июльских событий Гоц осудил вооружённую демонстрацию большевиков. По решению VII Совета ПСР в августе 1917 г. его включили в число обязательных кандидатов в члены Учредительного собрания. В Предпарламенте он занял место в Президиуме⁴⁴.

В примечаниях к протоколам ЦК ПСР В.М. Чернов дал жёсткую оценку А.Р. Гоцу и позиции, занятой им в 1917 г.: «Когда лидер правого центра Авксентьев открыто выступил с защитой позиций крайнего правого крыла партии, с защитой коалиции во что бы то ни стало, сам голосовал и других приглашал голосовать за неё, несмотря на происшедшее при этом формальное нарушение дисциплины ЦК, существенно ничего не менялось. ...Но открытое присоединение к нему А. Гоца, коренного “центровика” из группы так называемых “сибирских циммервальдцев”, лидера эсеровской фракции в совете — было партийной сенсацией. И в особенности сенсацией было то, что Гоц, всегдашний ратоборец за партийную дисциплину, в своём повороте на-

⁴³ Ibid. Carton 1/4/14.

⁴⁴ Ерофеев Н.Д. Гоц Абрам Рафаилович. С. 162.

право не отступил перед нарушением постановлений ЦК, прошедших при его деятельном участии. С отходом Гоца направо — отходом временным, но для партруководства роковым, ибо выпал на самый критический, решающий, поворотный момент в жизни партии и всей революционной страны — в руки правого крыла переходил, в сущности, весь организационный аппарат партии, непосредственно руководимый А. Гоцем и В. Зензиновым»⁴⁵. По мнению Чернова, всё это предопределило продолжение коалиционной политики, потерю авторитета партии эсеров в рабочих и солдатских кругах и победу большевиков.

Много лет спустя А.Р. Гоц произвёл переоценку той линии, которую он вместе с рядом других социалистов проводил в жизнь в 1917 г. Он сделал это в 1937 г. в своих собственноручных показаниях, которые алма-атинские чекисты переслали в Москву⁴⁶. Его показания, занимающие около полутора сотен страниц текста, были получены с применением пыток, и данное обстоятельство, конечно, заставляет с большой осторожностью подходить к этим трагическим страницам. Тем не менее, похоже, Гоц подвёл в них итог своим двадцатилетним размышлениям о линии ПСР в 1917 г. и в годы Гражданской войны. Нужно иметь в виду, что историческая часть показаний уже не могла принести никакого вреда ни ПСР, ни товарищам Гоца. Даже публикация их властями в своих интересах была немыслима, так как Гоц, критикуя политику ПСР и её лидеров как ошибочную, доктринёрскую, высокомерную и т.п., ни разу не написал о её «предательском характере», что к тому времени уже давно вошло в новые большевистские учебники истории. Ещё более важным представляется то, что в узловых своих пунктах высказывания Гоца 1937 г. совпадают с критикой его позиций в 1917 г. Черновым. Видимо, «центровик» Гоц, качнувшийся в 1917 г. вправо, 20 лет спустя переоценил свои «правоэсеровские» колебания с центристских позиций.

Указав на раскол партии на «оборонцев» и «интернационалистов», которые весной 1917 г. как будто нашли общий язык на почве «революционного оборончества», Гоц восклицал: «Но несмотря на то, что революционное оборончество всё более становилось официальной доктриной партии, разное отношение к войне бывших призывовцев и быв[ших] интернационалистов продолжало разрыхлять и без того рыхлую ткань политической идеологии партии с.-р. и форсировать процесс развития отдельных течений, группировок, формаций в пре-

⁴⁵ Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров (июнь 1917 — март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова / Под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 25.

⁴⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Позже в ЦА ФСБ РФ этот документ был приобщён к фонду процесса эсеров 1922 г. под названием «Показания члена ЦБ террористической повстанческой орг. ПСР Гоц, II том».

делах партии. Этот парламент мнений, пестрота политических воззрений и обилие течений с течением времени всё более подрывали политическую дееспособность партии и обрекали её в решающие моменты революции, когда счёт времени вёлся на часы и минуты, на роль дискуссионного клуба, в котором перманентно спорили и жевали и пережёвывали одни и те же вопросы. ...Необходимо также подчеркнуть, что росту центробежных сил, раскалывавших партию с.-р., в значительной мере содействовал и тот факт, что партия с.-р. вступила в революцию без общепризнанного вождя. ...К этому следует прибавить, что руководство партии с.-р. совершенно не понимало того значения, какое имеет в революции инструмент партии. Руководители партии с.-р. с головой ушли в “высокую политику”, с увлечением предавались игре в верхушечные комбинации, и уделяли очень мало внимания организации и мобилизации своей партии. Участие Керенского в правительстве в докоалиционный период приводило к тому, что партия с.-р., не имея возможности влиять на ход политики Временного правительства, тем не менее несла всю полноту ответственности за все шаги его. ...Совершенно ясно, конечно, что вина за положение, которое только что обрисовал, всецело ложится на Центральный комитет партии с.-р., который в силу своей бесхребетности мирился с ними, плыл покорно по течению событий, не пытался ими руководить»⁴⁷.

Не ограничиваясь анализом организационно-кадрового состояния ПСР, Гоц дал весьма точную обобщающую характеристику причин, приведших партию с.-р. к поражению: «Позиция революционного оборончества, занятая партией с.-р. с первых дней революции, привела к тому, что у с.-р. национально-революционный пафос вытеснил пафос социальный. Оборонческая проблема по существу могла быть разрешена двояким путём: или с рабоче-крестьянскими массами против буржуазии, или с буржуазией, но против наиболее революционной и передовой части пролетариата. Первый путь предполагал предварительное решение всех основных социальных проблем, волновавших рабочий класс и крестьянство, с тем, чтобы в дальнейшем переключить энтузиазм народных масс, порождённый сознанием своей победы внутри страны, на дело обороны страны против воинствующего германского империализма. Социализация земли, конфискация всех предприятий оборонной промышленности, обобществление всех средств производства, банков и т.п. — таковы были бы первые вехи на этом пути. Второй путь приводил к необходимости подморозить революционную энергию рабочего класса, сковать его революционные порывы, не приступать к политике широких рево-

люционных мероприятий пока страна не выйдет из опасной полосы, чреватой возможностью военного разгрома и договориться с представителями "честной буржуазии". Партия с.-р. выбрала второй путь и этот выбор predetermined в основном всю политическую линию партии с.-р. в февральской революции. ...В земельном вопросе оборонческая позиция партии также наложила свой роковой отпечаток. Из-за опасения, что раздел земли в разгар военных действий может вызвать повальный отлив крестьянства из армии в деревни, и считаясь с тревожными воплями наших продовольственников, что немедленный раздел земли может поставить под угрозу всё дело снабжения действующей армии и вызвать полный крах фронта, мы вынуждены были вести кунктаторскую политику, политику затяжек и задержки в земельном вопросе, которая вызвала недовольство и разочарование деревни, требовавшей немедленной реализации своих вековых чаяний»⁴⁸.

«Недовольство политикой В[ременного] П[равительства] в этот период было очень велико среди руководителей ВЦИКа первого созыва, — вспоминал Гоц. — Но борьба наша с ВП носила очень своеобразный характер. Соотношение сил было таково, что мы — руководители с.р.—меньшевистского блока — в любой момент могли бы сбросить это правительство. Но так как мы продолжали пребывать в плену у идеи коалиции, то перспектива взять на себя всю полноту власти как раз больше всего нас страшила, и заставляла нас мириться с тем, что от одного правительственного кризиса к другому состав Временного Правительства становился всё более и более бесцветным и тусклым... По мере того, как для нас становилось всё более очевидным, что ВП, руководимое Керенским, не только не может руководить событиями, но всё более теряет способность даже ориентироваться в них, у нас назревало решение заменить Керенского другим лицом. Но это "героическое" решение наше так и оказалось нереализованным до октября, потому что среди руководителей с.р.—меньшевистского блока мы не могли найти подходящего заместителя!!... Единственная кандидатура, на которой все сошлись, была — военного министра ген[ерала] Верховского, но последний категорически отказался принять это предложение, считая его "нелояльным" по отношению к Керенскому»⁴⁹.

Тем самым Гоц не только не отказался от революции, течение которой обрушило его личную судьбу, но и остался до конца своей жизни подлинным демократом и социалистом, остро переживавшим прошлые ошибки своей партии, оторвавшие её от народных масс и революции. В его рассуждениях нет оправдания большевизма, осо-

⁴⁸ Там же. Л. 14—17.

⁴⁹ Там же. Л. 40—42.

бенно позднего, показавшего свою антинародную и антидемократическую суть, но чувствуется горечь осознания того, что сами эсеры оказались не на высоте положения и не смогли остаться во главе масс на гребне революционной волны, вздымавшейся всё выше и выше.

В те послеоктябрьские дни А.Р. Гоц активно боролся с большевиками буквально с первого же дня захвата ими власти и продолжал считаться одним из самых авторитетных руководителей в быстро обновившемся ЦК ПСР. 22 октября он участвовал в совещании у командующего Петроградским военным округом Г.П. Полковникова, а позже вошёл в Комитет спасения родины и революции и в качестве его председателя руководил восстанием юнкеров в ночь на 29 октября. По словам, сказанным М.Я. Ракитиным-Броуном на процессе с.-р. в 1922 г., Гоц обратился к одному из военных руководителей восстания — А.А. Краковецкому с просьбой принять меры, чтобы при взятии Смольного «никто не пострадал, особенно Ленин и Троцкий»⁵⁰.

В работе IV съезда ПСР Гоц, скрывавшийся тогда от большевиков, участия не принимал. Он прислал приветствие съезду и был избран на нём членом ЦК партии. По прибытии в Петроград 18 декабря 1917 г. Гоц, как и другие члены Союза защиты Учредительного Собрания, был арестован, но уже на следующий день освобождён по распоряжению наркома юстиции левого эсера И.З. Штейнберга. В Учредительное собрание Гоц был избран от Минского и Пензенского избирательных округов и от Румынского фронта. Чуть позже он входил в военный штаб «Союза возрождения» в Петрограде, занимался переброской вооружённых групп на Волгу⁵¹. Как свидетельствовали в 1922 г. эсеровские ренегаты Г.И. Семёнов и Л.И. Коноплева, А.Р. Гоц в начале и в середине 1918 г. давал им от имени ЦК санкцию на покушение на Ленина. Однако сам Гоц на судебном процессе с.-р. это категорически отрицал⁵². «Не желая демонстрировать разброд в рядах ЦК п.с.р., — писал он в показаниях 1937 г., — руководящая пятёрка обязала всех участников процесса стоять в вопросе о позиции партии в терроре на точке зрения большинства ЦК и категорически отрицать прикосновенность партии к теракту против Володарского и покушению Фани Каплан. ...Фани Каплан я лично не знал и никогда в жизни не встречал её. В момент её выступления меня не было в Москве (я был в Пензе в это время в ожидании переправы в Сызрань) и об обстоятельствах самого покушения узнал лишь из беседы с Донским

⁵⁰ См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922). С. 862.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

после возвращения в Москву и на самом процессе»⁵³. Покушение на Володарского, по словам Гоца, было совершено самочинно рабочими-боевиками Сергеевым и Козловым.

Летом 1918 г., вспоминал Гоц в 1937 г., «по решению ЦК ПСР в Москве было оставлено лишь небольшое бюро из членов ЦК в составе Тимофеева Е.М., Ратнер Е.М., Донского, а все остальные члены ЦК должны были направиться либо на Волгу, либо на север, в Архангельск»: «Мне было предложено выехать немедленно в Архангельск, но по семейным обстоятельствам (болезнь жены) я вынужден был задержаться на значительное время под Москвой, в дачном поселке Ильинском, где я устраивал свою семью. В это время уже в связи с выступлением чехословаков и захватом ими железнодорожной линии Пенза—Самара, выяснилось, что Волжский район, по-видимому, станет главной ареной, на которой развернутся основные события. ...Поэтому я решил переправиться за Волгу. Если не ошибаюсь, в конце июня или июля я направился вместе с Рабиновичем Б.Н. в Казань, чтобы оттуда уже перебраться за фронт. Но под Волгой я был опознан курсантами, бывшими петроградскими рабочими, двигавшимися на Казань, и арестован. По решению местной военной комендатуры я был направлен под конвоем в Москву в ВЧК, но не доезжая Москвы, около Муромы я выскочил из поезда и благополучно скрылся. Пожив некоторое время в кругу своей семьи в поселке Ильинском, я отправился в г. Пензу, чтобы оттуда добраться до г. Сызрани, которая уже была занята войсковыми частями Самарского Комитета УС. В Пензе я застал членов ЦК ПСР Тимофеева и Федоровича, которые застряли там ввиду того, что связь с Сызранью была нарушена. В Пензе я и Тимофеев прожили довольно долго в ожидании, когда, наконец, восстановится путь. В те дни Пенза была переполнена эсерами, направлявшимися за Волгу, так что длительное пребывание там грозило провалом. Ранней осенью я и пензенский рабочий-металлист А.В. Кузовлев (меньшевик) выехали на паровозе в г. Кузнецк, а оттуда уже пешком кружным путём двинулись на Сызрань. Так как нам приходилось идти по району, занятому частями Красной армии, то наше путешествие сильно затянулось и когда, наконец, мы вышли к Сызрани, мы узнали, что она уже занята красными, и решили вновь вернуться в Пензу»⁵⁴.

«Руководящая тактическая идея», которая должна была быть положена в основу эсеровской политической работы на востоке и на севере, формулировалась Гоцем так: «Борьба на два фронта, борьба и против большевизма, и против монархической реакции и контррево-

⁵³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 110—111.

⁵⁴ Там же. Л. 83.

люции»⁵⁵. После неудачной попытки пробраться за линию восточного фронта Гоц и Тимофеев вернулись в Москву. Так как в конспиративном отношении пребывание Гоца в Москве было опасно, ЦК ПСР предложил ему «съездить на Украину и на юг, чтобы ориентироваться в создавшемся там положении». По пути в Киев он узнал о формировании там нового украинского правительства, составленного из украинских эсеров и меньшевиков. Надежды Гоца найти в них «политических единомышленников, а на Украине, руководимой ими, благоприятные условия для развёртывания деятельности русских эсеров» не оправдались, так как украинские эсеры заняли по отношению к своим русским товарищам «враждебную позицию»: «Они с неудовольствием терпели само наше пребывание в Киеве, зажимали нашу прессу, часто конфискуя издававшуюся русскими эсерами киевскую газету, стесняли нашу политическую работу и где возможно, постоянно отмежёвывались от нас как от *русской* партии»⁵⁶.

Поняв, что «русским эсерам в Киеве делать нечего», Гоц отправился в Одессу. Там власть тогда официально принадлежала муниципалитету, во главе которого стояли эсеры и меньшевики, «а фактически в городе орудовали разведка Добрармии и союзная контрразведка»⁵⁷. Вместе с находившимися в Одессе членами ЦК ПСР Е.М. Тимофеевым и В.В. Лункевичем А.Р. Гоц вошёл в Южное Бюро ЦК ПСР, которое «пришло к следующим выводам»: «1) Опыт интервенции, имевшей место на востоке и на севере, показал, что интервенты всюду выступают как сила анти-демократическая, поддерживающая монархическую реакцию. Поэтому партия с.р. должна занять к интервенции отрицательную позицию. 2) Основной задачей партии с.р. по-прежнему является борьба с советской властью, но в этой борьбе эсеры должны опираться только на широкие народные массы, внутри страны. 3) Борьба с советской властью должна была вестись только социалистическими партиями, потому никакие коалиции с ценовыми, буржуазными партиями недопустимы. 4) Командировать одного из членов ЦК за границу, чтобы ознакомить социалистические партии Франции, Англии, Бельгии и др. с интервенционистской политикой их правительств в России. Исключить Бунакова из партии за участие в Яском совещании и предложить членам ЦК вернуться в Советскую Россию»⁵⁸.

Вскоре после этого Гоц в числе других эсеров покинул Одессу и отправился в Москву, где собирались остальные члены ЦК ПСР, ра-

---

⁵⁵ Там же. Л. 80—83.

⁵⁶ Там же. Л. 94—95.

⁵⁷ Там же. Л. 95.

⁵⁸ Там же. Л. 97—98.

ботавшие ранее на севере и востоке. «Первые же заседания ЦК, — указывал он в показаниях, — были посвящены подведению итогов работы партии с.р. с момента организации фронта за Волгой и на севере до его ликвидации, и выработке новой тактической линии партии на ближайший отрезок времени. ...Среди членов ЦК ПСР уже не было ни одного сторонника интервенции. Слишком ясна была роль интервентов в качестве союзников монархической контрреволюции, и слишком очевидна была ошибка руководства партии, поддержавшей интервенцию, если не на словах, то на деле. Большие споры вызвала ...идея борьбы на два фронта. ...Вместо того, чтобы подвергнуть пересмотру самые основы политики, приведшей к позорным провалам за Волгой и на Севере, ЦК ПСР при рассмотрении причин, вызвавших поражение партии, свёл принципиальную критику в критику персональных ошибок, допущенных тем или иным лидером. ...В итоге концепция “борьбы на два фронта”, несмотря на волжский и архангельский опыт, сохранялась как основа эсеровской тактики, но в неё были внесены следующие поправки. Против диктатуры белых генералов эсеровским организациям предлагалось вести борьбу вооружённой рукой, а против советской власти политическую борьбу. ЦК предостерегал партию от тактик отдельных путчей, террора и вспышкопускаательства, партизанщины, авантюристических выступлений, приводящих лишь к бесплодному расточению народных сил и распылению партийных кадров. Вместо этого ЦК предлагал внутри Советской России перейти к восстановлению организационных связей с крупными предприятиями и деревней, к оживлению работы нелегальных типографий и постановке новых»⁵⁹.

19 мая 1920 г. А.Р. Гоц был арестован, содержался во Внутренней тюрьме ВЧК, а 5 августа его перевели в Бутырскую тюрьму, откуда вместе с другими членами ЦК, также оказавшимися за решёткой в результате систематических арестов, он отправил целый ряд директивных писем российским и зарубежным эсерам.

По свидетельству Гоца, «специфические условия тюремного режима того времени привели к тому, что политическое руководство партией осталось в руках ЦК. Правда, арестованные члены ЦК были лишены возможности принимать участие в организационной жизни партии, но у них сохранилась возможность обсуждать и принимать решения по всем основным вопросам политики. Эти решения в дальнейшем передавались Центральному бюро, который их опубликовывал. Сношение с волей для нас облегчалось благодаря практике арестов, применявшейся в то время в ВЧК. Перед каждым револю-

⁵⁹ Там же. Л. 98—101.

ционными праздниками ВЧК производила массовые изъятия проживавших в Москве эсеров. Это давало нам возможность обсуждать и проводить так сказать в спокойной обстановке целые конференции со своей партийной периферией. Обычно этих людей освобождали через месяц—полтора, и через них мы передавали на волю всё, что нам было нужно...». Когда после X Совета партии ЦБ в вопросе о вооружённом восстании заняло более радикальную позицию, чем ЦК, бутырцы-цекисты обратились к партии и к Совету с обращением, в котором старались выправить линию ЦБ и подчеркнуть особо настойчиво, что на ближайший отрезок времени вооружённое восстание не стоит в порядке для партийной тактики. «...Но чем решительней отмежёвывались эсеровские цекисты от вооружённого восстания как метода борьбы с большевизмом, тем настойчивей они подчёркивали тот факт, что они отнюдь не отказываются одновременно от *права* на вооружённое восстание», — признавал Гоц⁶⁰.

24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ Гоц был включён в список эсеров, которым было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Рассуждая о причинах организации большевиками в 1922 г. открытого судебного процесса над ПСР, меньшевик Б.И. Николаевский полагал, что «политически наиболее дальновидные руководители коммунистической партии во главе с Лениным хотели сговора с арестованными»: «Дзержинский несколько раз приезжал в тюрьму для “бесед”, в результате которых Лениным было внесено в Центральный Комитет предложение об освобождении А.Р. Гоца и предоставлении ему возможности издавать легальный орган. ...Материалы, которыми оперировали обвинители во время этого процесса, были превосходно известны и Дзержинскому в то время, когда он вёл свои беседы с Гоцем и Тимофеевым, и Ленину, когда он вносил своё предложение в Центральный комитет. Они тогда не мешали переговорам. Процесс стал неизбежен, когда было решено сделать невозможными самые разговоры о соглашении с социалистами-революционерами и с социалистами вообще, — как в России, так и в интернациональном масштабе»⁶¹.

На судебном процессе А.Р. Гоц фактически возглавил группу «нераскаявшихся» подсудимых. По свидетельству боевиков-эсеров К.А. Усова и С.Е. Кононова, Гоц, находясь в соседней с ними камере и пользуясь «тюремным телеграфом», рекомендовал им «уже от данных показаний отказаться» и на суде помнить, «что интересы партии прежде всего»⁶².

⁶⁰ Там же. Л. 103—105.

⁶¹ Б.Н. Е. Ратнер // Социалистический вестник. 1931. № 21. С. 14.

⁶² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 167.

Свои выступления на процессе Гоц рассматривал как своеобразный отчёт перед партией: «Мы, члены центрального комитета, оторванные от родной партии в продолжение уже двух или трёх лет, которые не имели возможности за наше прошлое отчитаться перед ней, дать отчёт перед теми лицами, которые выдвинули нас в качестве своих вождей, мы вам признательны за то, что вы дали нам возможность с высоты этой трибуны дать полный, ясный и открытый ответ о нашем прошлом, о всей нашей прошлой деятельности и о том, как мы считали бы сейчас возможным вести партию, какие пути мы считали бы нужными, чтобы партия следовала во имя спасения революции, во имя реализации наших конечных целей демократии и социализма. И мы признательны вам за то, что вы дали нам возможность этот ответ высказать полностью, и если эта наша исповедь, которую мы здесь высказали, волею судеб явится нашим завещанием, то мы считаем, всё-таки, что мы свой долг выполняем до конца и выполним его до самого последнего конца, так как подобает его выполнить революционерам. И что бы вы нам сейчас ни судили, мы, если вы нас осудите, мы умрём как революционеры мужественно, глядя смерти в глаза. Если нам суждена жизнь, то мы будем жить как социалисты, работая во имя социализма, как мы работали до сих пор и как мы этот социализм понимаем»⁶³.

«Свобода это душа социализма, — восклицал Гоц, — это — основное условие самодеятельности масс. Если вы этот жизненный нерв, эту основную сущность, если вы этот нерв перережете, тогда, конечно, от самодеятельности масс ничего не останется и тогда уже лишь прямой путь — путь к той теории, которую здесь вслед за гражданином Крыленко развивал гражданин Луначарский — к теории о непросвещённых тёмных массах, которым вредно слишком много соприкасаться с политическими партиями, могущими их, неопытных, неискущённых, тёмных, сбить, увлечь за собою, вовлечь в такое болото, из которого они, бедненькие, никогда и не вылезут. Да что же это такое, как не классически выраженная теория Победоносцева. Что это по своей социалистической сущности, как не то же стремление Победоносцева уберечь православный чистый народ от тлетворного влияния западной демократии, которая может только замутить чистоту его сознания, которая может только развратить его, в которой он бессилён будет разобраться и, как ребёнок, которому дают острый нож, может нанести себе только острые опасные раны»⁶⁴.

⁶³ Международный институт социальной истории (Амстердам). Архив ПСР. Д. 867; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922). С. 778.

⁶⁴ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.). С. 762—763.

Жена Д.Д. Донского Наталья Михайловна, присутствовавшая на процессе, много лет спустя вспоминала об атмосфере в зале суда: «Обвиняемые резко защищали свои позиции. Как-то при свидании лидера эсеров А.Р. Гоца и председателя процесса Ю. Пятакова последний спросил: “Разве вы не понимаете, что ваши резкие выступления повлияют на приговор?”. Подсудимый ответил: “Наша судьба не может иметь значения для наших выступлений”»⁶⁵.

За три дня до вынесения части обвиняемых (включая А.Р. Гоца) смертного приговора переодетый в форму красноармейца-конвоира чекист подслушал и донёс по начальству мимолётный, но в высшей степени важный разговор между Н.В. Крыленко и А.Р. Гоцем, происходивший 4 августа: «После окончания своей речи [Гоц] встретился с тов. Крыленко, который спросил Гоца, неужели они всё ещё по-старому, на что Гоц ответил утвердительно и, подымаясь по лестнице, сообщил о своём разговоре с Крыленко Гендельману и др.»⁶⁶. Несмотря на косноязычие чекиста, понятно, что интересовало Крыленко. Самый «талантливый прокурор России», как его характеризовали подсудимые 1-й (нераскавшейся) группы, не спрашивал Гоца о связи с интервентами и пр. — он хорошо понимал цену таким обвинениям. Он пытался понять, неужели эти люди готовы пойти на расстрел за свои старые интеллигентские и народолюбивые представления в то время, когда большевики показали, как можно манипулировать массами. Крыленко и большевистская элита расстались со своим «старым» ради власти и искренне удивлялись людям, готовым идти за это на смерть.

Встречавшиеся с обвиняемыми иностранные защитники — представители II Интернационала Э. Вандервельде и Т. Либкнехт (брат К. Либкнехта), которых большевики не допустили до трибуны, сказали С.Н. Гоц и Н.М. Донской: «Ваши мужья держатся как герои»⁶⁷.

7 августа 1922 г. А.Р. Гоц в числе 12 подсудимых 1-й группы был приговорён Верхтрибом ВЦИК к высшей мере наказания, но исполнение приговора было отложено Президиумом ВЦИК, что превратило «смертников» в заложников на случай активной (прежде всего террористической) деятельности эсеров. Подсудимые же 2-й группы, сотрудничавшие с обвинением и также получившие приговоры, были по ходатайству Верхтриба помилованы Президиумом ВЦИК и освобождены от наказания. Так, Семёнов собственноручно отравлявший пули, которыми был ранен Ленин, поехал после процесса вместе с

⁶⁵ Донской Дмитрий Дмитриевич. Сборник документов и материалов / Сост. Я.А. Яковлев. Томск, 2000. С. 141—144.

⁶⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 269.

⁶⁷ Донской Дмитрий Дмитриевич... С. 141—144.

Коноплёвой в санаторий. Видимо, и у каждого из 22 осужденных 1-й группы была возможность купить себе свободу ценой предательства не только на предварительном следствии, но и после процесса.

Верхтриб ВЦИК тянул с извещением (под расписку) о состоявшемся 8 августа постановлении Президиума ВЦИК о приостановлении исполнения смертного приговора. В середине августа уже сами чекисты обращались к «коллегам» с просьбой ускорить извещение об этом заключённых⁶⁸. Нетрудно понять, какое нервное напряжение царило среди осуждённых эсеров, что вряд ли устраивало чекистов, желавших отныне властвовать над ними безраздельно. В случае же возможных эксцессов (голодовок, обструкций и т.п.) «расхлёбывать» последствия медлительности верхтрибовцев пришлось бы уже чекистам. Фактически эсерам была устроена настоящая моральная пытка — сначала они в течение полумесяца не знали, кому из них вынесен смертный приговор, а затем «смертники» ожидали приведения его в исполнения вплоть до 15 сентября, когда им, полностью изолированным от внешнего мира и лишённым свиданий с кем бы то ни было, объявили о постановлении Президиума ВЦИК. До этого тюремные надзиратели обращаясь к ним, использовали выражение «приговорённый к смертной казни»⁶⁹.

Казалось бы, после окончания процесса руководители ГПУ должны были с радостью снять с себя заботы по тюремному содержанию осуждённых. Но, они, напротив, поставили перед Политбюро вопрос «о передаче тюремного ведения НКЮСТА в ведение НКВДела», а затем полтора месяца добивались от Президиума ВЦИК разрешения содержать осуждённых во Внутренней тюрьме ГПУ, создав для них особый режим⁷⁰.

Примечательно также, что чекисты не передали охрану «особоизолированных» эсеров администрации ведомственной тюрьмы ГПУ, но специально назначили ещё несколько дежурных Секретного отдела ГПУ, которым вменили в обязанность «проверку охраны чекистов ПСР». Так, например, помощник начальника СО ГПУ Андреева, являвшаяся своеобразным куратором заключённых эсеров, 3 раза в месяц дежурила во Внутренней тюрьме ГПУ, заходя в камеры 22-х осуждённых по процессу, наблюдала за постановкой внутренней и на-

⁶⁸ См., например, телефонограмму зам. председателя ГПУ Уншлихта 16 августа 1922 г. в Секретариат Верхтриба: «В виду, что по делу ЦК партии эсеров приговор суда обвиняемым до сего времени не объявлен, [обращаемся] за присылкой» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 43).

⁶⁹ Точно известно, в частности, что так обращались к Л.Я. Герштейну.

⁷⁰ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние... С. 501—502.

ружной охраны, собирала заявления заключённых, доводя их до сведения Уншлихта. Обо всём остальном она докладывала помощнику начальника СО ГПУ Дерибасу⁷¹.

Излишне говорить, какое значение руководство СО ГПУ придавало охране эсеров-«чекистов», если пошло на установление круглосуточного дежурства и поручило его собственным сотрудникам. Фактически заключённые находились под двойным присмотром — как со стороны надзирателей, так и со стороны дежурных СО ГПУ. Памятуя о том, что в России строгость законов смягчается небрежным их исполнением, чекистское руководство установило постоянный круглосуточный контроль и за внешней охраной, и за надзирателями, да и в целом за администрацией тюрьмы. Была составлена также «Инструкция для дежурных СО ГПУ по проверке охраны чекистов ПСР», подписанная Дерибасом 2 сентября 1922 г.⁷²

Под бдительным оком чекистов из СО ГПУ не отставало в служебном рвении и тюремное начальство. Согласно докладу начальника тюремного отдела ГПУ Дукиса, 3 ноября 1922 г. он лично проверял посты внутренней и внешней охраны 5 раз, его помощник — 13 раз, а дежурный помощник — 3 раза. Кроме того, были осмотрены решётки, окна, двери, стены, пол и потолок каждой камеры, а сами «камеры проверялись через каждые 5 минут»⁷³. Для проверки заключённых поднимали и по ночам (очевидно, желая удостовериться в их наличии). Такой перестраховки практика царских тюрем не знала.

О суровости первоначального режима содержания заключённых С.Н. Гоц в октябре 1922 г. писала Ф.Э. Дзержинскому (через Е.П. Пешкову она обращалась к нему с просьбой о встрече, но он предложил написать письмо). Так, А.Р. Гоц, у которого наблюдались «симптомы цинготного заболевания ноги», не получил казённого головного убора и в течение полутора осенних месяцев, выходя на прогулку в дождливую погоду, наматывал на голову казённые брюки... Но «особенно тягостно вынужденное бездействие и отсутствие книг»: «Книги выдаются в 2—3 недели не более 2—3 за раз, при этом самого неожиданного подбора. Мужу, напр., достался учебник по зоологии и „Антропология“ Канта». По словам С.Н. Гоц, сами осуждённые считали условия, в которые их поставили, карцерным режимом и испытанием физической выносливости. Гоца и его товарищей ждали несколько лет «тюремного противостояния» с властью, носившего порой весьма драматический характер: многочисленные голодовки с

⁷¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 118.

⁷² Там же. Л. 17.

⁷³ Там же. Л. 125.

балансированием на грани жизни и смерти, самоубийство С.В. Морозова в декабре 1923 г., неудавшееся самоубийство Е.А. Ивановой в 1926 г. Чекисты и Политбюро были вынуждены отступить, смягчая режим, отменив в январе 1924 г. смертные приговоры и снизив всем эсерам сроки заключения⁷⁴.

11 января 1924 г. Президиум ЦИК СССР заменил А.Р. Гоцу смертную казнь 5 годами лишения свободы со строгой изоляцией (с окончанием содержания под стражей 20 мая 1925 г.). Между тем в представлении Секретного отдела ГПУ указывалось на нецелесообразность уменьшения тюремного заключения Гоца до срока менее 10 лет, поскольку он входит в число лиц, которые «являются крупными политическими фигурами и с.-р. убеждений и активности не потеряли и до настоящего времени»⁷⁵.

Отбыв срок, А.Р. Гоц был отправлен в ссылку в Ульяновск, и уже 4 июня 1925 г. писал члену ЦК ПСР Д.Ф. Ракову, остававшемуся в Бутырской тюрьме: «Милый Митяй, просись непременно к нам сюда. Правда, здесь очень глухо, и вся жизнь носит отпечаток уездно-провинциальный. Знакомых нет, но я надеюсь, что тебя не страшит уединение. После Бутырок пожить отшельником тебе будет только приятно. Зато в смысле заработка — ты устроишься немедленно же. В климатическом отношении город тоже для тебя хорош. Я ведь знаю, что Волгу и жигулёвское пиво ты не променяешь ни на какую туркестанскую экзотику. Без тебя сижу я уныло перед бутылкой пива: Мишук не дорос ещё, а С.Н. — как столичная особа — не питает уважения к сему напитку. Приезжай же ты, друг, утешить меня. Пусть Анна Дмитриевна не боится: буду держать тебя на строгой пайке — бутылка в день...»⁷⁶. «Милый, дорогой Мишенька, — писал Гоц 20 июня 1925 г. другому своему сопроцеснику — М.А. Лихачу, — не могу удержаться, чтобы не поделиться с Вами своей новостью: пишу вам эту открытку, а в двух шагах от меня красуются четыре клумбы, обнесённые бордюрами, обложённые кирпичом — со 100 левкоями, 60 гвоздиками, 60 флоксами, аютиными глазками и т.п. Рассадку купил очень дешёво и недурную. Клумбы устроил сам. Эх, не хватает вас, Миша, а то бы могли разделать прямо артистически! Мои ребята мне помогают. А как наш Бутырский садик? ...Как-то вы все, дорогие, поживаете? Крепко вас всех обнимаю и целую. Ваш Аб.»⁷⁷. Впрочем, оба эти письма не дошли до адресатов. Чекисты задержали даже письмо его

⁷⁴ Подробнее см.: *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние... С. 496—562.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 60. Л. 185 об.

⁷⁷ Там же. Л. 170 об.

сына Михаила, отправленное 19 июня 1925 г. Д.Ф. Ракову: «Дорогой Дмитрий Федорович. Писал Люке, но он не отвечает. Надеюсь, что вы напишете — как живёте? С папой очень хорошо...»⁷⁸.

Однако в ссылке «держать особо крепко» видных эсеров было значительно сложнее, чем в тюрьме, и Ф.Э. Дзержинский вновь потребовал у Политбюро санкции на арест А.Р. Гоца и Е.М. Тимофеева. При этом он утверждал, что готовится их побег, а эсеры вот-вот начнут террор, и т.д.⁷⁹ Получив разрешение, чекисты 11 и 12 июля 1925 г. арестовали Гоца и Тимофеева, которые в ответ объявили голодовку. Допрошенный 21 июля 1925 г. А.Р. Гоц держался весьма мужественно, недвусмысленно отказавшись изменить прежние взгляды и отмежеваться от Чернова: «Что касается моего отношения к Чернову В.М. и Заграничной делегации, то заявляю, что я являюсь единомышленником В.М. Чернова: мы оба примыкаем к одному и тому же течению в партии. Заграничная же делегация была в своё время выбрана ЦК партии, и я как член ЦК, конечно, несу политическую ответственность за всю её работу»⁸⁰.

На последний вопрос о том, намерен ли он «вести партийную работу в будущем», Гоц ответил: «Относительно своей будущей работы я сейчас сказать ничего не могу. Я могу говорить и нести ответственность только за то, что было. Больше ничего добавить не могу»⁸¹. Подписывая протокол, Гоц попросил дописать: «Ответ на последний вопрос дополняю следующим: как старый политический деятель я, конечно, понимаю те последствия, которые повлекла бы за собой моя работа, и в таком случае не протестовал бы против ответственности, связанной с ней»⁸².

Информация об аресте Гоца и Тимофеева и об их голодовках просочилась на Запад, и 5 сентября 1925 г. В.М. Молотов получил телеграмму от советского полпреда в Лондоне, просившего известить его о причинах ареста и ситуации вокруг этого дела⁸³. На запрос Молотова Г. Ягода 7 сентября 1925 г. сообщал: «ОГПУ полагает, что ввиду особой активности Гоца и Тимофеева и их влияния на эсеровские партийные круги, необходимо обоих заключить в политизоляторы ОГПУ»⁸⁴. Политбюро согласилось с предложением Ягоды и на заседании 9 сентября 1925 г. предложило ОГПУ «приговорить Гоца и Тимо-

⁷⁸ Там же. Л. 186 об.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 154—155.

⁸⁰ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 104. Л. 98 об.

⁸¹ Там же. Л. 99 об.

⁸² Там же.

⁸³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 100.

⁸⁴ Там же. Л. 102.

феева к тюремному заключению на 2 года»⁸⁵. И всё же благодаря давлению на советских дипломатов их французских и английских коллег, а также групповой «развезённой» голодовке осуждённых по процессу с.-р. в октябре 1925 г., не имевшей аналогов в истории российского освободительного движения, власти вскоре вынуждены были частично пересмотреть своё решение⁸⁶. Судя по документам, тюремное заключение Гоцу заменили домашним арестом.

«Жизнь моя так монотонна, однообразна, — писал он Вере Гоц 29 июня 1926 г., — так бедна внешними впечатлениями, что напоминает тюремное житьё-бытьё, когда собственно не живёшь, а только регистрируешь промелькнувшие дни, а мысль зарываешься в туманную даль грядущего. И странное ощущение, хорошо знакомое всем узникам, — всё кажется, что настоящая жизнь — это жизнь только “начерно”, а “набело” ещё впереди»⁸⁷.

А.Р. Гоц был освобождён в 1927 г. и прожил в Ульяновске до конца 1930 г. Поскольку «все члены ЦК ПСР, проходившие по процессу, были разбросаны по разным городам Союза, а вместе с тем были рассеяны и другие видные партийные работники», в отличие от предыдущего периода (1920—1925 гг.), который «проходил под знаком собирания партийных сил, объединения и сплачивания их, консолидации всех рассеянных бурей Гражданской войны партийных организаций», на новом этапе деятельности ПСР, по мнению Гоца, «главное внимание должно быть уделено вопросу о сохранении основных кадров эсеровской партии»: «Важно не допустить, чтобы эти кадры, рассеянные по ссылкам и отдалённым городам Союза, не растворились в окружающей среде, не потеряли своё политическое лицо, не утратили свою связь с партией, не перестали сознавать себя в качестве членов эсеровской партии. Как бы ни истончалась организационная связь, — идеологическая связь должна сохраниться. Ибо если оборвётся и эта идеологическая связь, то кадры эсеровской партии будут окончательно потеряны, а с исчезновением основных кадров исчезнет и сама партия, так как притока новых членов в эсеровские организации ожидать не приходится... Но для того, чтобы эсеровские кадры не растаяли в своём окружении, как пена на воде, необходимо было особенно чётко и резко противопоставлять себя большевикам, подчёркивать глубину пропасти, отделяющей эсеров от большевиков. Поэтому мы, руководители эсеровской нелегальной партии, постоянно подчёркивали, что

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Подробнее см.: *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние... С. 563—604.

⁸⁷ BDIC F delta Res 806 Carton 1/4/14.

хотя мы на данный момент по тактическим соображениям и не ведём политической борьбы с большевиками, но мы продолжаем оставаться на *позициях борьбы* с советской властью, не допуская никаких компромиссов с большевиками, и резко враждебны к системе диктатуры. ...В соответствии с основной задачей — сохранением нелегальных эсеровских кадров — теперь эсеровская организационная тактика принимала формы личного общения, личных бесед руководящих членов партии с окружающей их партийной периферией, обсуждение с ними в беседах, носивших иногда даже случайный характер, всех очередных проблем как внутренней, так и внешней политики, конечно, под углом критики большевизма и противопоставления ему идеологии эсерства. Это общение облегчалось благодаря той системе постоянных перебросок с места на место, которую применяли органы НКВД»⁸⁸.

В начале 1931 г. Абрам Рафаилович был отправлен в ссылку в Семипалатинск. Проезжая Курган, он писал В.С. Гоц: «35 лет прошло уже с момента нашей первой встречи на курганском вокзале и когда теперь — пятидесятилетним человеком, в достаточной мере помятым жизнью и закалённым в жизненных битвах — я вновь очутился на перроне курганского вокзала, я не мог удержать слёз при воспоминании о первой встрече с Мишей и с тобой, его мужественной спутницей. И тебя, милая Веруша, ведь я узнал тогда впервые. И когда, наконец, поезд снова унёс меня вдаль и оторвал от этого дорогого мне места, я мысленно ещё долго возвращался к Кургану, где протекали мои самые прекрасные юные годы. Знаю, что тебе, Веруша, пришлось много пережить за эти 35 лет, но Курганский период тоже, вероятно, один из самых святых в твоей жизни. Ну, будь здорова, моя родная, от души желаю тебе побольше сил, здоровья и бодрости»⁸⁹. «Вступаем в новую полосу жизни, — тогда же делилась с ней своими переживаниями Сара. — Едем в Семипалатинск. Говорят, город ничего. Небольшой, но хлебный. За последние месяцы пришлось столько перенести тяжёлого, что ни о чём другом сейчас не думаю, как только радуюсь, что опять смогу отдохнуть возле Абики. Так наши жизни спаялись вместе, что порознь бесконечно, невыносимо тяжело быть»⁹⁰.

Вскоре их отправили в Алма-Ату, откуда 8 мая 1934 г. Абрам Гоц написал Вере: «Алма-Ата удивительно красивый город, особенно ранним летом. Правда, весна в этом году запоздала и частенько перепадают дожди, но я уже совершил несколько экскурсий в горы и даже купался, хотя вода горных речек ещё очень холодная. К сожалению,

⁸⁸ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 114-118.

⁸⁹ ВДИС. F delta Res 806 Carton 1/4/12.

⁹⁰ Ibid. 1/4/14.

ни Сарочка, ни Олечка не могут принять участие в экскурсии. Олечка так [занята] подготовкой к испытаниям, что у неё все выходные дни заняты. Сейчас мы переживаем неприятные дни в связи с угрозой выселения нас из квартиры. ...В Алма-Ате при её перегруженности [най-ти квартиру] дело чрезвычайно трудное»⁹¹.

Их жизнь в Алма-Ате также отразилась в переписке Е.П. Пешковой с сестрой А.Р. Гоца Р.Р. Познер, которая весной 1935 г. была обеспокоена в Париже отсутствием вестей от С.Н. Гоц, писавшей ранее «2 раза в месяц», а теперь молчавшей уже 4 месяца⁹². С.Н. Гоц извещала Е.П. Пешкову, что «очень погрузнела, т.к. мало ходит», но «много работает в Научно-исследовательском институте и в детской амбулатории»⁹³. В конце того же года А.Р. Гоц обращался за содействием в Красный Крест к М.Л. Винаверу, прося о прописке дочери Ольги в Москве⁹⁴. Хлопоты увенчались успехом, и Винавер телеграфировал Гоцу: «Алма-Ата. Дом правительства. Госплан. Геологу Гоц. Дочери препятствий не будет»⁹⁵.

7 февраля 1937 г. А.Р. Гоц был арестован по приказу Н.И. Ежова. Этому предшествовала докладная записка, направленная в конце января наркомом внутренних дел Союза ССР И.В. Сталину и В.М. Молотову. В ней утверждалось, что «в результате агентурной и следственной работы нам удалось вскрыть и приступить к ликвидации широко разветлённого эсеровского подполья, руководимого ссыльными членами ЦК партии левых и правых эсеров»⁹⁶. Согласно записке, чекисты «вскрыли» эсеровское подполье прежде всего в тех областях страны, в которых социалисты-революционеры пользовались влиянием до революции и в годы Гражданской войны — «в Свердловской, Воронежской (чекисты взяли те её районы, которые прежде были охвачены «антоновским движением». — *К.М.*), Куйбышевской, Московской областях, Западно-Сибирском и Азово-Черноморском краях». Нарком подробно излагал и технологию «вскрытия»: было арестовано несколько ссыльных эсеров, давших «признательные» показания (к докладной записке прилагались протоколы допросов Павлова, Горяинова, Бессонова, Петелина, Осипова, Корнюхина, Кулябко-Корецкой). Из троцкиста Л.Г. Вицмана выбили заявление, будто А.Р. Гоц, возглавляющий эсеровскую организацию,

⁹¹ Ibid. Carton 1/4/13.

⁹² ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1334. Л. 72—72 об.

⁹³ Там же. Л. 73 об., 75.

⁹⁴ «Сообщаю, что согласно полученной справке, — писал М. Винавер О.А. Гоц, — ГУРКМ дано распоряжение 4/Х — с.г. за 38734 о прописке Вас в Москве, Арбат, д. 35, кв. 32» (Там же. Л. 76).

⁹⁵ Там же. Л. 74.

⁹⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д.87. Л. 27.

лично ему говорил, что она «активно работает в целом ряде краёв и областей» и «стоит на позициях индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства»⁹⁷.

В докладной записке, насчитывавшей 14 машинописных страниц (без приложений), рассказывалось о деятельности подполья во всех указанных областях и краях, с «привязками» к ним конкретных членов ЦК ПСР и ЦК ПЛСР, «осуществлявших руководство» местными эсерами. Например, «в г.г. Куйбышеве, Ульяновске, Пензе и районах: Никольском, Вишкеевском и Ширияевском» «эсеровская организация в Куйбышевской области» руководилась «активными кадровыми эсерами, быв[шими] членами Поволжского комитета ПСР, действовавшими по директиве члена ЦК ПСР Агапова (отбывает ссылку в Кудымкаре Свердловской области) и члена ЦК партии левых эсеров Спиридоновой», находившейся в Уфе⁹⁸. Авторы записки не смущало то, что в некоторых регионах страны эсеровское движение было возможно лишь в воображении чекистов, и они придумали «эсеровскую организацию в Казахстане» во главе с Гоцем. Кроме высказываний Вицмана, ей ставилось в вину то, что «Гоц поддерживает организационную связь с зарубежом и получает денежные средства для нужд организации»⁹⁹.

Примечательно, что уже в этом документе прорисовывался сценарий будущего «бухаринского процесса», хотя сам Н.И. Бухарин был ещё на свободе. «Ещё в 1933 году, — докладывал Ежов, — руководящий центр организации правых обсуждал вопрос об установлении связи с эсерами, в частности членами ЦК — Гоцем, Тимофеевым и Спиридоновой. В 1933 г. Бухарин, связанный с активным эсером Семёновым (бывш[ий] руководитель боевой эсеровской организации при ЦК ПСР в 1917—1918 гг.), вёл переговоры с ним о привлечении его к террористической деятельности нелегальной организации правых. Семёнову Бухарин поручил подготовить и совершить террористический акт против тов. Сталина и тов. Кагановича»¹⁰⁰. Говорилось также и о связях левых и «правых» эсеров с троцкистами и децистами.

По мнению наркома, «нелегальными эсеровскими организациями в Союзе руководит ЦК ПСР Гоц А.Р., Тимофеев Е.М., Гендельман М.Я., Агапов В.В., Артемьев Н.И., Подбельский Ю.Н., Ракитников Н.И., и члены ЦК левых эсеров Камков Б.Д., Спиридонова М.А., Майоров И.А., Самохвалов М.Д., Каховская И.К. и Измайлович А.А.», которых необходимо арестовать «в целях полного разгрома эсеровского подполья»¹⁰¹.

⁹⁷ Там же. Л. 37.

⁹⁸ Там же. Л. 36.

⁹⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Л. 39.

Начиная с ареста в 1937 г., судьба Гоца прослеживается по документам «личного дела заключённого»¹⁰². В постановлении о его аресте, выданном 7 февраля 1937 г. и санкционированном прокурором Казахской ССР, безапелляционно утверждалось, ещё до какого-либо следствия, что «Гоц является руководителем нелегальной антисоветской организации эсеров, член ЦК ПСР». В тот же день он оказался «под стражей в следственной тюрьме НКВД КССР»¹⁰³. Во время обыска, который проводился пятью чекистами, были изъяты письма от сына и невестки, Е.М. Тимофеева, М.Я. Гендельмана, Власова и др., а также «папка, содержащая письма от брата М. Гоца, относящиеся к 1900 годам», «свёрток писем Гоца к жене», «адреса Цейтлина, Ракова и др.», «две тетради, написанные в тюрьме, переводы, фотокарточки и воспоминания о работе в ПСР»¹⁰⁴, «альбом карточек Александровского центра», «письма из заграницы», «фотокарточек тридцать штук» и многое другое (всего 29 пунктов по описи)¹⁰⁵.

Из Алма-Аты в конце августа А.Р. Гоц был отправлен в Москву «в распоряжение 4 отдела ГУГБ НКВД СССР», содержался в Бутырской тюрьме. В декабре 1938 г. ему «под расписку» было объявлено, что отныне он числится «за прокурором СССР», которому направлено его дело. В январе 1939 г. главный военный прокурор Н. Розовский направил начальнику Бутырской тюрьмы письмо, сообщая: «Числящихся за нами арестованных Гоц Абрама Рафаиловича и Тимофеева Евгения Михайловича, прошу с сего числа перечислить содержанием за Военной коллегией Верховного суда Союза ССР». Вплоть до суда Гоц продолжал находиться в 321 камере Бутырской тюрьмы. 15 июня 1939 г. дежурный 9-го корпуса обнаружил у него «отточенную зубную щётку» (это лишний раз выдаёт в нём опытного сидельца), после чего было решено «арестованного Гоца лишить одной очереди лавки»¹⁰⁶.

20 июня 1939 г. под председательством бригадюрюриста Алексеева и при участии двух членов — бригадюрюриста Детистова и военюриста 1 ранга Климина, при секретаре младшем военном юристе Филатове, состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Подсудимых А.Р. Гоца и Е.М. Тимофеева обвинили «в

¹⁰² Ряд ксерокопий из «личного дела заключённого № 1696» был в 1992 г. предоставлен сотрудником ЦА МВД РФ В.П. Коротеевым И.И. Осиповой и хранится ныне в архиве «Мемориала».

¹⁰³ Архив «Мемориала».

¹⁰⁴ Возможно, речь шла о воспоминаниях, написанных А.Р. Гоцем в Бутырской тюрьме ещё в 1920—1921 гг. и посвящённых его участию в Боевой организации ПСР в 1906 г.

¹⁰⁵ Архив «Мемориала».

¹⁰⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95.

преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР». Им инкриминировалось то, что «оба они не прекратили борьбы и продолжали свою к/р деятельность до дня ареста»: «Находясь в ссылке, Гоц и Тимофеев не порвали связи между собою, а с 1929 года повели работу по объединению нелегальных эсеровских антисоветских групп, под руководством т.н. Центрального Бюро партии эсеров, стремясь активизировать к/р деятельность названных групп. Являясь основными руководителями Центрального Бюро партии эсеров, Гоц в г. Алма-Ата, а Тимофеев в г. Ташкенте установили организационные и политические связи с эсеровскими антисоветскими группами в Чимкенте, Семипалатинске, Куйбышеве, Тобольске, Новосибирске и др. городах, которым, через своих связистов, давали установки на развёртывание борьбы против ВКП(б) и Советского Правительства, путём применения террора и предательства. Они же неоднократно проводили нелегальные сборища эсеровских подпольных групп, на которых обсуждались вопросы террора в отношении руководителей ВКП(б) и Советского Правительства и вопросы вредительства в промышленности, в сельском хозяйстве. Кроме того установлено, что как Гоц, так и Тимофеев пытались установить политический и организационный блок с различными антисоветскими центрами нелегальных организаций б[ывших] левых эсеров, меньшевиков и др., для совместной борьбы с Советской властью»¹⁰⁷.

На основании этих обвинений Военная коллегия приговорила Гоца и Тимофеева «к тюремному заключению, сроком на двадцать пять лет каждого, с поражением в политических правах на пять лет каждого, и конфискацией всего, лично принадлежавшего им, имущества. Срок тюремного заключения исчислять Гоцу с 7 февраля 1937 г., а Тимофееву 5-го февраля 1937 г.».

26 октября 1939 г. начальник санчасти Бутырьской тюрьмы подписал справку, что Гоц «практически здоров» и «к физическому труду годен». Личное дело А.Р. Гоца № 1696 по наряду Главного тюремного управления НКВД СССР от 14 ноября 1939 г. было направлено в Красноярский лагерь. В декабре туда же в город Канск под усиленным конвоем отправился и сам Гоц. 10 января 1940 г. на него была уже заведена карточка Красноярского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР. Меньше чем через восемь месяцев он скончался в больнице Ингашского ОЛП, о чём был составлен «Акт о смерти № 99», объявлявший её причиной «кровоизлияние в мозг». В справке, предназначенной начальнику ОАГС УНКВД Ленинграда, 4 сентября 1940 г. начальник 2 отдела Управления Красноярского ИТЛ сообщал, что А.Р. Гоц умер 4 августа 1940 г. в Канске. В справке указывался и его

последний, ещё петроградский (видимо 1917—1918 гг.) адрес — Набережная Шмидта, д. 13, кв. 1¹⁰⁸. Место нахождения его могилы неизвестно.

Но судьба оказалась безжалостна к Абраму Гоцу и после смерти. Имя его в современной России забыто, а 28 мая 2001 г. помощник генерального прокурора Российской Федерации Н.С. Власенко утвердил «Заключение об отказе в реабилитации», составленное А.Г. Абрамовым и подписанное прокурором отдела реабилитации И.О. Ковалевской. «Гоц, — говорилось в нём, — признан виновным в том, что, будучи одним из влиятельнейших членов ЦК партии социалистов-революционеров (правых), поддерживал и разделял установку ЦК на вооружённое свержение рабоче-крестьянской власти в России. В прошлом участвовал в организации в контрреволюционных целях вооружённых восстаний и вторжений на территорию России вооружённых отрядов и банд, участвовал в попытках захвата власти в центре и на местах и насильственном расторжении договоров, заключённых РСФСР, отторжении от Республики некоторых частей её. Кроме того, руководил деятельностью террористических партийных групп, готовивших покушения на Ленина, Троцкого, Берзина и поезд Совета Народных Комиссаров, убийство Володарского. В основной своей части предъявленное Гоцу обвинение подтверждено его собственными показаниями, данными в суде, в которых он заявил, что считает себя полностью ответственным за все решения ЦК партии, направленные на организацию вооружённой борьбы с советской властью, подтвердил, что сразу же после свержения правительства Керенского он принимал меры к свержению власти большевиков и с этой целью выезжал в войска под Петроградом, в том числе к генералу Краснову, для организации их выступления на Петроград. Показаниями Паевского, Игнатьева, Семёнова, Коноплёвой, Ракитина-Броуна, Краковецкого подтверждено, что Гоц принимал активное участие в подготовке юнкерского восстания в Петрограде в конце октября 1917 года, когда основные революционные силы были брошены на борьбу с корниловским мятежом (так! — *К.М.*). По его настоянию руководителем восстания был назначен полковник Полковников. Входил в военную организацию и штаб “Союза возрождения”, куда входили и представители буржуазных партий, координировал деятельность “Союза” и партии эсеров по борьбе с советской властью. Семёнов, Коноплёва подробно рассказали, что именно Гоц поддержал их решение об организации убийства Володарского, слежку, а затем и покушение на Ленина, причём поддержал не только от своего имени, но и от имени

---

¹⁰⁸ Там же.

ЦК партии эсеров... Доказанные Гоцу преступные действия содержат состав инкриминированных ему преступлений. На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ “О реабилитации жертв политических репрессий” в реабилитации Гоца Абрама Рафаиловича отказать»¹⁰⁹.

Вспоминаются слова бельгийского социалиста Э. Вандервельде, выступавшего на процессе с.-р. защитником 1-й группы подсудимых и заявившего по возвращении из Москвы в Европу: «Большевики выставили против с.-р. четыре обвинения: 1. С.-р. с оружием в руках защищали Временное правительство. С.-р. признают этот факт и гордятся этим. 2. С.-р. с оружием в руках защищали Учредительное собрание. С.-р. признают это и жалеют, что им не удалось этой защиты довести до конца. 3. С.-р. вели вооружённую борьбу с советской властью. С.-р. признают, что это несомненно исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализовала партию. 4. С.-р. принимали участие в убийстве Володарского и покушении на Ленина. Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля — кроме признаний провокаторов Семёнова и Коноплёвой, словам которых никто не верит»¹¹⁰.

Почему же стал возможен отказ в реабилитации А.Р.Гоца и некоторых других осуждённых в 1922 г. эсеров? Согласно статье 4 принятого 18 октября 1991 г. закона «О реабилитации жертв политических репрессий», реабилитации не подлежали «обоснованно осуждённые судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений: а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия; б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны; в) организация бандформирований, совершавших убийства, грабежи и другие насильственные действия, а также принимавших личное участие в совершении этих деяний в составе бандформирований; г) военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия». «Кроме того, — как указано в законе, — не подлежат реабилитации направленные в административном порядке на спецпоселение лица из числа репатриированных

¹⁰⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 105—106 об.

¹¹⁰ См.: Голос России. 1922. 25 июня. № 999.

советских граждан (военнопленных и гражданских лиц), служивших в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, если имеются доказательства их участия в разведывательных, карательных и боевых действиях против Красной армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения, за исключением тех, кто впоследствии принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления».

Таким образом, возникла парадоксальная ситуация, при которой данная статья, призванная воспрепятствовать реабилитации шпионов и военных преступников, помимо воли разработчиков, позволила современным прокурорам распространить отказ в реабилитации и на участников Гражданской войны. Так, сопроцессника Гоца — члена ЦК ПСР и министра труда в антибольшевистском архангельском правительстве М.А. Лихача не реабилитировали, фактически обвинив в измене Родине и пособничестве оккупантам: «На полученные от иностранных антисоветских миссий деньги, переданные ему Игнатьевым, выехал для организации антисоветского восстания в Вологду, откуда, ожидая антантовский десант, перебрался в Архангельск, войдя в состав антисоветского правительства “Северной области”, опирающегося на антантовские военные силы, по существу оккупировавшие эту территорию, т.е. фактически перешёл на сторону врага, ведущего войну с Советской Россией»¹¹¹.

В результате Абрам Рафаилович Гоц, боровшийся за свободу российского народа против авторитарного (царского) и тоталитарного (советского) режима, оказался вдруг в современной и формально республиканской по своему политическому устройству России, официально провозглашающей себя демократической и свободной страной, на одной доске со шпионами, пособниками фашистских захватчиков и организаторами сталинского «Большого террора», среди которых числятся и его палачи¹¹².

¹¹¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 123, 123 об.

¹¹² Подробнее см.: *Морозов К.Н.* Историко-правовые аспекты реабилитации подсудимых процесса социалистов-революционеров 1922 года. С. 47–55. Кроме А.Р. Гоца Генеральная прокуратура также отказала в реабилитации подсудимым 1-й группы Д.Д. Донскому, М.А. Лихачу, Н.Н. Иванову и Е.А. Ивановой.